

М.В. Синютин

**CLASS THEORY AND HISTORY: CAPITALISM AND COMMUNISM IN THE USSR.
BY STEPHEN A. RESNICK AND RICHARD D. WOLFF. «ROUTLEDGE» – New York and
London,
2002 — 353 pp.**

**(Классовая теория и история: капитализм и коммунизм в СССР. Стефан Резник и
Ричард Вольф. Нью-Йорк, Лондон: Ротлидж,
2002. — 353 стр.)**

Советский период нашей истории еще не осмыслен и не понят полностью, что, безусловно, остается одной из важнейших задач отечественной социологии. Несомненную пользу читателю в этом отношении может принести последняя крупная работа американских ученых С. Резника и Р. Вольфа. Она примечательна сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, она написана ведущими современными марксистами и представляет самое значительное применение марксистской методологии к анализу советского общества. Причем, это не маргинальная работа: она отражает традицию американского марксизма, включающую работы П. Барана, П. Суизи, Г. Шермана, Д. Руккио, с акцентом на классовом анализе создания прибавочного продукта при капитализме* и симпатией к коммунистическим перспективам истории**. В то же время С. Резник и Р. Вольф предлагают оригинальный подход к исследованию советской истории, что отличает их аргументацию от большинства исследований подобного плана. При этом они не заявляют ни о ревизии, ни об отказе от наследия самого Маркса, а претендуют на более внимательное прочтение и вытекающую из него расстановку акцентов.

Во-вторых, книга С. Резника и Р. Вольфа интересна как опыт классового анализа первого социалистического эксперимента в истории, опыт, некогда нивелированный в отечественной социологии политической установкой на достижение единства различных социальных групп и классов в общности, называемой «советский народ». Причем, авторы книги не только определяют классовые процессы в СССР на базе изучения экономических условий, но и прослеживают, какую роль здесь сыграло ограниченное, по их мнению, понимание марксизма, распространенное в советском мышлении. Из всего сказанного вытекает, что труд С. Резника и Р. Вольфа должен быть подвергнут внимательному критическому разбору. Но

* Суть и значение этого взгляда кратко изложены в ранней работе Р. Стэнфилда (Stanfield 1973). Из нее становится понятно, что выработка такого подхода связана с приоритетным вниманием марксистской методологии к монополистическим процессам при капитализме.

** Несмотря на крах большой группы социалистических государств, авторы считают, что теперь возможно вновь открыть и обновить коммунистическую альтернативу развития человечества. «Понятие и цель коммунистической альтернативы в терминах прибавочного продукта (возможно, нуждающееся в новом имени, чтобы порвать связь со старыми предрассудками) может окончательно вернуть себе место в повестке дня социальных изменений» (с. 100).

поскольку рецензия не предполагает отражения всего материала, а лишь наиболее существенной его части, то мы сосредоточимся на главном.

В первую очередь важно обсудить методологию исследования. Последний исторический отрезок привел к трансформации большой группы государств, которые на протяжении XX века руководствовались марксизмом в политике и идеологии, в результате чего интерес к этой традиции ослаб как в них самих, так и в мире в целом. Было бы естественно заключить, что катастрофический ход данной трансформации является доказательством в пользу оппонентов марксизма. Но С. Резник и Р. Вольф считают иначе. Они стараются выявить ошибки прежних марксистов в понимании советской системы, чтобы восстановить теоретическую силу марксизма. При этом их точка зрения лишена зависимости от статуса официально господствующей доктрины, что позволяет вскрыть некоторые аспекты, проблематичные для советских исследователей. В то же время она наследует установки, свойственные американским марксистам в период противостояния СССР и США и ограничена в плане привлекаемого фактического материала по истории нашей страны, поскольку построена на англоязычной литературе.

С. Резник и Р. Вольф исходят из того, что никто лучше Маркса не сумел развить классовый анализ капитализма, что сделало марксизм сильнейшим источником критики капитализма. Обсуждение слабых и сильных сторон последователей классового анализа после Маркса привело авторов к мысли об исчезновении центрального пункта, что содействовало обеднению всей позднейшей марксистской традиции. Такое утверждение, если оно подтверждается, должно привести к пересмотру многих моментов истории марксизма и к началу нового более зрелого этапа.

Итак, американские ученые утверждают, что главная идея Маркса состоит в обосновании классового анализа тем способом, которым общество производит, присваивает, распределяет и потребляет прибавочный продукт. Тем самым они, во-первых, признают, что в марксизме после Маркса классы упрощенно определялись с точки зрения социального распределения либо собственности, либо власти. Это привело к теоретическим и практическим ошибкам. В советском марксизме исчезновение классов связывалось с социализацией собственности, а авторы книги считают эту социализацию лишь элементом распределения, что не позволяет судить об изменении в производстве, присвоении и распределении прибавочного продукта. Такой вывод С. Резника и Р. Вольфа правомерен в том случае, когда исследование собственности действительно не доходит до анализа прибавочного продукта и останавливается на формально-правовой стороне дела.

Во-вторых, они помещают в основу классовой структуры три параметра: производство прибавочного продукта, присвоение и распределение прибавочного продукта, а также получение распределенных долей прибавочного продукта. Предлагаемый американскими учеными классовый анализ распределяет индивидов в обществе согласно их отношению к этому прибавочному продукту, т.е. как и кем он производится, как и кем присваивается*. В результате такого подхода С. Резник и Р. Вольф рисуют картину взаимозависимости этих трех параметров классовых групп, а также оценку возможности сосуществования различных организаций прибавочного продукта, в том числе классовых процессов и неклассовых процессов (политических, культурных).

* «Под классом мы подразумеваем, в первую очередь, процесс в обществе, где индивиды осуществляют труд свыше и сверх того («в добавок» к тому), что общество считает необходимым для воспроизводства работников» (с. 8).

В-третьих, авторы книги полагают, что не только классовая, а любая общественная система отличается характером производства и распределения прибавочного продукта*. А последний, как предполагается, в той или иной форме есть в каждом обществе. Причем он испытывает и влияние неклассовых процессов, так что в итоге развивается определенный «стандарт эффективности» (механизм отбора того, какие затраты и выгоды надо измерять, и как осуществлять измерение).

Свою версию классового анализа авторы книги рассматривают не только с точки зрения возможностей ее приложения к капитализму или любому классовому обществу, но и к коммунизму. Здесь они делают попытку дополнить учение Маркса и Энгельса «систематическим, недетерминистским классовым анализом коммунистических обществ». Вообще, по мнению С. Резника и Р. Вольфа, все теории коммунизма и до и после Маркса и Энгельса имели два недостатка: не было систематической недетерминистской (антиэссенциалистской) перспективы; не было классового анализа социальной организации прибавочного продукта. А именно концептуализацию класса как производства, присвоения и распределения прибавочного продукта в обществе авторы книги считают важнейшим вкладом Маркса и Энгельса в науку.

Коммунистическая классовая структура предполагает коллективное производство, распределение и присвоение прибавочного продукта, и это отличает ее от других форм организации прибавочного продукта. Но ее сосуществование с разнообразными неклассовыми процессами допускает множество вариантов коммунизма с разными политическими режимами, системами собственности и распределения ресурсов. Специфика подхода авторов ведет как к новому пониманию коммунизма (и социализма) вообще, так и к новой интерпретации событий XX в., сделавших социализм сильнейшим политическим движением, но в целом подчиненном капитализму в этих исторических рамках.

Авторы книги полагают, что при коммунизме существуют классы и их конфликты, поскольку необходимо производство прибавочного продукта и институты, обеспечивающие принуждение к этому производству. Но коммунизм не имеет эксплуатации, т.к. производители прибавочного продукта присваивают его коллективными способами. Эксплуатация имеет отношение не к власти или господству среди капиталистов и трудящихся, а к классовым отношениям с точки зрения прибавочного продукта. Отсюда выведена концепция социальной организации прибавочного продукта. Американцы утверждают, что неклассовые процессы сами по себе существенно не влияют на классовую структуру. Значение имеет лишь их совокупное влияние на классовую структуру, важно, как та или иная характеристика взаимодействует с другими (т.е. не столь ее существо, сколь внешняя взаимосвязь) для поддержания классовой структуры.

Логично, что, допустив при коммунизме существование классов, надо признать и существование государства. С. Резник и Р. Вольф объясняют его функцией защиты от эксплуатации, но в этом смысле не столько непосредственно классовой структурой, сколько взаимодействием всех социальных институтов, общественным строем в целом в его исторически специфическом контексте. Социально-классовая структура прибавочного продукта здесь, по их мнению, не абсолютный фактор. Поэтому критика ленинского понятия

* Этот пункт концепции С. Резника и Р. Вольфа соответствует тому способу теоретизирования американской леворадикальной традиции, который наметили при изучении монопольного капитала П. Суизи и П. Баран. Он достаточно широко известен в марксистской литературе, особенно среди экономистов XX в. Однако все последующее прочтение требует разъяснения соотношения между понятиями прибавочной стоимости, прибавочного продукта и излишка, а также согласования накопившихся разночтений в их трактовке у представителей отечественной и американской традиций. В этом существенное отличие данного подхода от укоренившегося в советской литературе стремления выводить экономические явления социализма непосредственно из понятия общественного производства.

государства за эссенциализм и экономический детерминизм сочетается у них с высокой оценкой его идеи о новых чертах государства при движении от капитализма к коммунизму.

Обычный классовый анализ коммунизма, основанный на собственности и власти, по мнению С. Резника и Р. Вольфа, оставляет в стороне важный вопрос о социальной организации прибавочного продукта. Как правило, его результаты либо признают социализм, поскольку в практику вошли социализированная собственность и плановое распределение, либо отрицают его, т. к. власть рабочих и замена рыночного распределения не были доведены до конца. И хотя это важные сами по себе процессы, они не определяют изменения в социальной организации прибавочного продукта, которая остается капиталистической (и это приоритетный момент в понимании советской экономической политики)*. В перспективе авторы книги пытаются интегрировать социальную организацию прибавочного продукта в аналитические рамки исследования конфликта между капитализмом и социализмом, частью чего является история СССР. Таким образом, можно увидеть шаг в сторону радикального переосмысления советской истории, который, по мнению американских авторов, очень важен, чтобы извлечь опыт для тех социальных движений, которые стремятся к более совершенному гуманистическому обществу, которое придет на смену капитализму.

Книга представляет читателю новый вид систематического классового анализа экономической системы коммунизма как неэксплуататорской классовой структуры, в которой одни и те же лица производят и присваивают продукт, делая это коллективно. При этом другие аспекты коммунизма (бесклассовость, распределение по потребностям) отходят на второй план. С. Резник и Р. Вольф определяют коммунизм как

«общество, в котором предприятия имеют коммунистическую классовую структуру, где все индивиды сменяют друг друга по всем классовым позициям, и где каждый гражданин имеет равный контроль над решениями о правилах социального поведения» (с. 67).

Социализм же не рассматривается ими как классовый процесс в смысле отдельных форм производства, присвоения и распределения прибавочного продукта. При коммунистической классовой структуре, как показано в книге, могут быть разные структуры власти: полная социальная демократия, полная классовая демократия, олигархия. Общество производит, присваивает и распределяет прибавочный продукт коллективно, а власть, определяющая размер и характер распределения, находится в других руках (не коммунистических). Авторы книги различают коммунистическую диктатуру пролетариата и социалистическую диктатуру пролетариата не с точки зрения организации, а исходя из целей. Первая — государственная власть против некоммунистических социальных структур и против всех форм классовых структур. Вторая — государственная власть с иными целями, чем коммунистические классы

* В целом С. Резник и Р. Вольф полагают отсутствие строгого соответствия как форм собственности, так и форм власти способам производства прибавочного продукта. Так, например, в отдельных случаях частная собственность может как препятствовать капитализму, так и содействовать коммунизму. Для них важно, каково соотношение этой формы частной собственности с формой социальной организации прибавочного продукта, поскольку это источник социальной динамики. И тут авторы книги приходят к неожиданному выводу, что рынок рабочей силы как результат частной собственности на труд может существовать и при коммунизме («рыночном коммунизме»), а капитализм, в свою очередь, иметь административно-государственную или иную не рыночную форму организации труда (с. 60). И наоборот, обобществление собственности, скажем, в виде акционирования предприятия рабочими, при определенных общественных условиях может сохранить капиталистическую форму производства прибавочного продукта.

и бесклассовые структуры, например, государственное управление экономикой, равенство доходов, политическая демократия масс и др.

Стоит обратить внимание также на видение американскими учеными проблемы бесклассовости. Авторы книги пересматривают принятое понятие бесклассового общества. При определении бесклассового общества, по их мнению, упускается важное различие между необходимым и прибавочным трудом, что представляется фундаментальным классовым процессом.

«В бесклассовом обществе не существует никакого различия между необходимым и прибавочным продуктом», т.е. «весь необходимый человеческий труд, примененный в производстве потребительных стоимостей для социальной утилизации (как средства потребления или средства производства), понимался бы как абстрактный эквивалент затраты мозга и мускулов» (с. 72).

В этом случае исчезает различие между производительным и непроизводительным трудом в Марксовом смысле, и весь человеческий труд составит необходимый труд. Бесклассовость возможна, по мнению авторов, при трех условиях. Во-первых, производство будет определяться не необходимостью извлечения прибавочного продукта, а потребностями всех заинтересованных в производстве, и таким образом, производство, нацеленное на прибавочный продукт (прибыль, рента, процент, и т.п.), станет не эффективным. Во-вторых, будет иметь место систематическая ротация трудовых задач между индивидами для предотвращения перехода технико-функционального разделения труда в общественно-классовое разделение труда, что ведет к освобождению всех работ от классовой зависимости. И, в-третьих, появятся адекватные культурные условия.

Главная теоретическая проблема книги — исходя из установленной авторами классовой методологии определить, какая именно общественная система была в СССР. Полагая, что в советской действительности существовало и взаимодействовало множество классовых и неклассовых структур, С. Резник и Р. Вольф решили, что определяющей была борьба капиталистических и коммунистических структур. Причем это касается не столько внешних, сколько внутренних процессов. Для того чтобы понять ход и результаты данного взаимодействия, в книге, состоящей из трех частей, сначала рассматриваются коммунистические процессы, затем — капиталистические, а в заключение — их единство и общая циклическая динамика в СССР.

Полагая, что в течение всего советского периода истории доминировали государственно-капиталистические структуры и интересы, С. Резник и Р. Вольф утверждают о действии исторической необходимости капиталистического развития России. Резкий и кардинальный шаг в эту сторону* был возможен не через частнокапиталистические формы, а только через государственно-капиталистические, что, с одной стороны, позволило России войти в число ведущих стран капитализма, и, с другой стороны, гораздо успешнее тех стран, которые имели частнокапиталистические формы, пройти сквозь экономические трудности 1920–1930-х гг. Начиная с середины XX века советское общество постепенно, но неминуемо двигалось к упрочению частнокапиталистических форм, которые стали доминировать благодаря реформам начала 1990-х гг. Таким образом, делается вывод, что Россия в XX столетии пережила смену форм капитализма и господствующих классово-капиталистических структур, в то время как в обычном сознании это ошибочно воспринималось как установление и

* «Советская революция, конечно, произвела временные изменения в экономике, политике и культуре... но не изменила социальную организацию прибавочного продукта с капиталистической на коммунистическую» (с. 322).

падение социализма (природа такой массовой иллюзии — непонимание капитализма и марксизма как способа его анализа)*. И успех, и неудачу государственной формы капитализма в СССР С. Резник и Р. Вольф, как указывает принятая ими методология, связывают с возможностями производства прибавочного продукта**. Причем самоидентификация с социализмом трактуется как средство выживания и достижения успеха на мировом капиталистическом рынке в противостоянии с более развитыми частными формами.

С. Резник и Р. Вольф формулируют основную классовую проблему советского общества следующим образом:

«Государственный промышленный капитализм не мог присваивать достаточное количество прибавочной стоимости от своих собственных рабочих, чтобы достичь приоритетов военной безопасности и промышленного роста» (с. 210).

Как же американские ученые рассматривают производство и распределение прибавочного продукта в СССР и как, соответственно, видят внутреннюю организацию экономики страны? Во-первых, они подчеркивают важность отношений между промышленным и аграрным секторами, определяя их как неравный обмен. Надо отметить, что они слишком категорично и недостаточно аргументированно заявляют о капиталистическом характере промышленности и преимущественно коммунистическом характере аграрных структур. Фактически в данном вопросе они уходят от открытой полемики с устоявшимися противоположными взглядами, апеллируя поверхностными представлениями о движении прибавочного продукта в советской экономике. Доводы авторов больше строятся на теоретических суждениях, чем находят подтверждение в эмпирическом материале. Во-вторых, они признают, что государство организовало и контролировало это неравенство, причем в собственных интересах. Однако этот аргумент весьма спорный, поскольку любое государство имеет и проводит свои интересы, и вопрос не в их наличии, а в их содержании. Однако далее С. Резник и Р. Вольф противоречат сами себе, подчеркивая, что сам способ организации власти или форму государства нельзя считать характеристикой способа производства прибавочного продукта: они важны лишь как средства его производства и распределения.

А был ли так однозначен капитализм в промышленности? Авторы показывают, почему советская промышленность была капиталистической. Советская власть внесла изменения в собственность и управление частнокапиталистической промышленностью, поэтому, по их мнению, изменилось функционирование промышленных предприятий. Но изменения не коснулись того, как предприятия организуют производство, присвоение и распределение прибавочного труда. Советская власть от имени рабочего класса заменила частных капиталистов и советы директоров на государственных чиновников. Поменялся персонал, но эксплуататорские отношения, противопоставляющие субъектов соответственно производства и присвоения прибавочного продукта, остались.

* Как правило, подчеркивают С. Резник и Р. Вольф, западные марксисты под социализмом односторонне понимают активное государственное участие в экономике и его заботу о социальном благополучии, что сводится к демократизму власти и национализации собственности.

** Например, они показывают, что вплоть до середины XX века показатели экономического развития (в том числе по производимому прибавочному продукту) у СССР были выше, чем у США. Затем ситуация кардинально изменилась. «В то время как американские частные капиталисты достигли заметно больших степеней эксплуатации, степень эксплуатации в советском государственном капитализме оставалась далеко позади» (с. 310).

«Государственные предприятия производили ту же основную структуру прибавочного производства, присвоения и распределения, что уже существовала на частных капиталистических предприятиях до этого. Занятые в производстве трудящиеся доставляли свой продукт отдельным группам индивидов, — теперь скорее государственным чиновникам, нежели частным советам директоров. Эти государственные чиновники возвращали им продукты их необходимого труда, но удерживали прибавочный продукт за распределение, нацеленное на воспроизводство этой государственной капиталистической классовой структуры» (с. 152).

Авторы книги считают, что советская промышленность всегда была капиталистической структурой. Степень свободы советских рабочих позволяла им выступать наемными трудящимися на государственных предприятиях, но их принужденность создавать прибавочный продукт была завуалирована идеей бесклассовости. Продукция труда рабочих присваивалась государственными чиновниками в форме государственных капиталистических товаров. Эти товары имели стоимость, приданную им другими государственными чиновниками — экономистами-плановиками. Плановики устанавливали эту стоимость, и стоимость денежных доходов рабочих так, что советские рабочие могли позволить выкупить назад долю необходимого продукта, ими произведенного, т.е. «необходимого труда». Другая доля, равная «прибавочному труду», присваивалась государственным капиталистом. Задачи системы распределения в государственном капитализме — усилить и расширить классовую структуру, создающую прибавочный продукт.

«Распределение производимого богатства на основе потребностей рабочих не является несовместимым с классовой эксплуатацией этих самых рабочих» (С. 95).

Далее С. Резник и Р. Вольф поясняют, что рабочее самоуправление не тождественно коммунистической классовой структуре и в равной степени может существовать при эксплуатации. Это значит, что недостаточно изменить систему избрания членов совета директоров предприятий, поставив их в зависимость от рабочих, это еще не изменит организации прибавочного продукта. После 1917 г. самоуправление в СССР рассматривалось технически, а не с точки зрения осмысленного производства, распределения и присвоения прибавочного продукта, и соединялось с предоставлением прибавочного продукта государственным чиновникам. В СССР не было, как полагают авторы книги, сознательной борьбы за власть над прибавочным трудом, и, следовательно, принималась эксплуатация.

«Когда рабочие, обладающие самоуправлением, не знают или не строят свои действия вокруг марксистских концепций класса в терминах прибавочного труда, они вряд ли смогут использовать любое самоуправление как власть, находящуюся в их распоряжении, чтобы изменить организацию прибавочного труда на своих предприятиях с капиталистической классовой структуры на коммунистическую классовую структуру» (с. 122).

Государственную форму капитализма, с точки зрения С. Резника и Р. Вольфа, отличает от частной формы социальное положение предприятий, присваивающих прибавочный продукт, и связь присваивающих индивидов с государством. В частном капитализме индивиды, не имеющие формального статуса в государственном аппарате, присваивают прибавочный продукт на негосударственных предприятиях. В государственном капитализме индивиды, отбираемые и трудоустраиваемые государством, эксплуатируют труд на предприятиях, размещенных в государственном секторе. А государственные капиталистические

предприятия могут продавать товары как на условиях рынка, так и на условиях государственных министерств. Таково общее понимание С. Резником и Р. Вольфом организации советской промышленности.

Перейдем к аграрному сектору. Авторы книги полагают, что только здесь возникали коммунистические классовые структуры. Ими были колхозы, где прибавочный продукт производили, присваивали и распределяли коллективно. Коммунистические черты колхозов постоянно были под угрозой и растворялись по мере делегирования функций присвоения и распределения прибавочного продукта управляющими колхозов. Ценовая политика государства, как думают С. Резник и Р. Вольф, способствовала потере колхозниками значительной части своего прибавочного продукта в пользу промышленных предприятий. Для их поддержки государство разрешило иметь частные участки, организовывать рынки и развивало тракторную промышленность. Но и эти меры окольно подрывали коммунистическое сельское хозяйство, т.к. отвлекали рабочую силу от коммунистического производства, а их прибавочный продукт обращало в рентные платежи за тракторы. Это соотношение защищалось интересом бюрократии как непроизводительного класса, обеспечивающего условия производства. Советское государство вторгалось в коммунистические классовые структуры политическим давлением на собрание членов коллектива и ограничением долей и цены урожая, продаваемого государственным агентствам. В итоге все упиралось в цены, по которым государственная торговля платила колхозам.

Особенностью советского капитализма было, по мнению С. Резника и Р. Вольфа, исполнение государственными структурами функций организации хозяйства в целом, и в первую очередь ценообразования и распределения благ. Соответственно принципы социальной структуры прибавочного продукта предполагают классовую суть обоих механизмов. А авторы книги пытаются выявить в системе планового ценообразования классовое содержание в терминах прибавочного продукта* .

«Такие категории, как стоимость, прибавочная стоимость и норма прибыли, требуют различных прилагательных — коммунистически-администрированный или капиталистически-рыночный — чтобы сигнализировать их разные конъюнктурные контексты, и, следовательно, различные социальные определения и роли» (с. 34).

«Разница между администрированными стоимостями совокупного продукта и стоимостями использованных материалов и зарплат рабочих дает администрированную прибавочную стоимость, получаемую коллективом рабочих, поставленных для выполнения функции присвоения прибавочного продукта. Соотношение этой прибавочной стоимости и стоимостей зарплат и использованных материалов дает администрированную норму прибыли для каждого коммунистического предприятия (и, конечно, всеобщую среднюю норму прибыли тоже)» (с. 35).

Рост администрирования стоимостей С. Резник и Р. Вольф объясняют увеличением доли машин, а снижение администрирования цен — уменьшением производительности рабочих (как доли живого труда). Они подчеркивают важность понимания того, что советская экономика руководствовалась «администрируемыми стоимостями» на «административных рынках». Советские плановики придавали каждому продукту специальную стоимостную

* Характерно, что в современной литературе при попытках социального анализа советской плановой системы ценообразования практически не выясняется классовое содержание ценовых показателей. Примером может служить обстоятельная работа Беттке (Boetteke 2001), в которой, в традициях методологии австрийской школы, изучаются именно социальные стороны движения экономической информации.

величину, «социально необходимое абстрактное рабочее время», требуемое для производства. Поэтому, как полагают С. Резник и Р. Вольф, стало принято вычислять разницу между живым трудом, добавляемым в производстве, и ценностью товаров, которые рабочий мог купить за заработную плату, которую им определяли плановики. Эта разница обозначается в терминологии авторов книги как государственная администрируемая прибавочная стоимость, присваиваемая на государственных капиталистических предприятиях.

«Государственные службы при государственном капитализме рассматривали расчеты прибыли *per se* в крайне негативных терминах, они могли просто игнорировать прибыль в решении экономических вопросов» (с. 93–94).

С. Резник и Р. Вольф прослеживают, как и кем присваивался прибавочный продукт в СССР. Советское правительство сохранило функции руководства капиталистической промышленностью как системой централизованного присвоения государственно-капиталистического промышленного прибавочного продукта. Однако обнаружились и два принципиальных отличия: руководителями стали подначальные чиновники; они действовали от лица рабочих-собственников под плановым руководством.

«С марксистской точки зрения, это присвоение прибавочной стоимости является классовым аспектом экономических функций Совета министров» (с. 166).

Совет министров распределял часть прибавочной стоимости, которую присваивали собственно региональные и отраслевые агентства, другие государственные и плановые агентства, управляющие предприятиями, военные, полицейские, партийные и образовательные органы — т.к. они содействовали сохранению и поддержанию системы получения промышленной прибавочной стоимости. Но только члены Совета министров имели базовые государственно-капиталистические классовые позиции в присвоении прибавочной стоимости. Чиновники Госплана производили расчеты, которые приписывали государственно-административные стоимости, прибавочные стоимости и цены всем произведенным продуктам и таким образом организовывали их социальное размещение. Капиталистический прибавочный продукт, присваиваемый на государственных промышленных предприятиях, стал ключевым источником государственного дохода для расходов советского государства.

С. Резник и Р. Вольф исходят из того, что в сознании советской власти доминировали три показателя: реальное потребление работника, степень накопления труда, абсолютное число производительных государственных работников в промышленности. Поэтому они делают вывод, что проводилась политика снижения численности промышленных рабочих, снижение объемов сырья относительно количества промышленных рабочих, снижение реальной заработной платы рабочих. Советских теоретиков интересовали отношения физических затрат и результатов, а не воздействие планирования на классовые структуры. На взгляд С. Резника и Р. Вольфа, подобные черты экономического сознания сочетались с ограниченностью классового мышления.

«Не имея способности концептуализировать и оставив нерассмотренным вопрос классов (как проблему прибавочного труда), советские политические, экономические и культурные лидеры были не способны воспользоваться воистину революционными изменениями, которые они действительно произвели в своем собственном обществе» (с. 247).

В результате слабость классового сознания мешала коммунистическим тенденциям в советском обществе и содействовала отказу от коммунистической политики и переходу к частному капитализму и буржуазным практическим установкам.

«Ни советские лидеры, ни их сторонники, ни их критики не анализировали классовые противоречия советского общества. По мере того, как эти противоречия развивались после Второй мировой войны в сторону подрыва успеха и углубления недостатков советского общества, его лидеры не могли ни понять, ни разрешить их. К середине 1980-х свойственный этому десятилетию упадок стал как для лидеров, так и для масс советского общества общим кризисом уверенности в том, что они понимают под советским социализмом. Неумение лидеров справиться с этим кризисом соединилось с невозможностью оживить веру тех, кто, внутри СССР и вне, верил в непрактичность советского социализма и в превосходство частно-рыночного капитализма» (с. 282).

То есть как при создании, так и при падении советской системы

«классово-слепая теория, информируя агентов изменений, соединилась с социальными обстоятельствами, принуждающими их устранить любые основные классовые изменения вне капитализма» (с. 322).

Следует признать, что современный отечественный марксизм в целом унаследовал особенности мировоззрения и методологии советского периода. Как и в советский период, ему недостает осознанного умения или интереса довести социально-экономические исследования до анализа процессов производства и присвоения прибавочного продукта и до расчета количественных параметров движения прибавочного продукта в обществе. Схожая ограниченность существует и в понимании марксизма не-марксистами**.

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что книга С. Резника и Р. Вольфа является свидетельством движения современного марксизма, его теоретического поиска в том направлении, которое мало привлекало внимание ученых как в советской традиции, так и в доминирующих зарубежных направлениях (Франция, Германия, Китай). Поскольку рецензия данной работы рассчитана на отечественную аудиторию и непосредственная полемика с американскими авторами вряд ли возможна, то цели критического рассмотрения книги ушли в тень стремления привлечь внимание к оригинальности и позитивной стороне

* В то же время и массовое сознание, и научное марксистское мышление в СССР решали практические задачи создания социализма. Тут можно много спорить о деталях и обстоятельствах, но данный момент трудно оспорим. С. Резник и Р. Вольф явно недооценивают это обстоятельство. Еще существеннее их незнание лучших образцов советской общественной науки, что делает их картину развития советского марксизма вульгарно-социологической. Те же западные ученые, которые лучше знакомы с ситуацией, как, например греческие исследователи М. Дафермос, П. Павлидис, Д. Пателис, дают иную оценку: «В процессе исторического развития советского общества были поставлены качественно новые задачи, требующие существенного развития науки. К сожалению, “западные марксисты” не знакомы с передовым творческим направлением советской науки и отождествляют “советский марксизм” с официальной догматической идеологией» (Дафермос, Павлидис, Пателис: 23). Косвенно этот факт признают такие известные американские специалисты по марксизму, как М. Буравой и Э. Райт. В статье «Социологический марксизм» они подчеркивают, что западные марксисты в XX в. сфокусировались на проблеме социального воспроизводства капитализма, в силу чего, с одной стороны, проявили критицизм в отношении капитализма, а с другой, также были ориентированы на методы и категории его изучения, что отразилось на анализе советского строя и проявилось как невнимание к социалистическим элементам (Burawoy, Wright 2000: 6–7).

** Такой вывод напрашивается из результатов недавней дискуссии о марксизме на страницах авторитетного журнала «Вопросы Экономики» (№№1–2, 2005).

предложенного подхода. Критичность была также уменьшена из желания сохранить авторскую логику и систему доводов. Полагаю, что время, проведенное с данной книгой, пойдет на пользу сторонникам различных социологических подходов и точек зрения на отечественную историю.

Литература

Дафермос М., Павлидис П., Пателис Д. Буржуазная контрреволюция и некоторые итоги развития марксизма. К вопросу о стратегии и тактике революционного исследования. <http://ilhs.narod.ru/vip29.htm>.

Boetteke P. Calculation and Coordination: Essays on Socialism and Transitional Political Economy. New-York: Routledge, 2001.

Burawoy M., Wright E.O. Sociological Marxism. Working paper. 2000. March. Draft 3.0.

Stanfield R. The Economic Surplus and Neo-Marxism. Toronto-London: Lexington Books, 1973.